
ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

А. В. Крейцер

«ЧИТАЯ БАЛАШОВА...»

Книгу Ирины Катченковой и Татьяны Никольской «Дмитрий Балашов: Россия, до вос-
требования...» (СПб.: Лема, 2011) украшает дарственная надпись: «Музею РГПУ от “ти-
тульного” автора — выпускницы 1985 г. с любовью и надеждой на дальнейшее сотрудни-
чество. Ирина Катченкова. 17.10.2011». Труд посвящен выдающемуся русскому писателю,
ученому, общественному деятелю, почетному гражданину Великого Новгорода Дмитрию
Михайловичу Балашову, которому в 2012 г. исполнилось бы 85 лет. Это сборник удачно
сгруппированных статей и материалов о жизни и творчестве Д. М. Балашова. Часть из
них была опубликована в разное время в журналах «Север», «Чело», газете «Родина».

Музей старается поддерживать связи с выпускниками родного университета, в том
числе через их книги, пополняющие музейные фонды.

Дмитрий Михайлович Балашов — исторический писатель, пик известности которого
пришелся на последние годы советской власти, когда страна в силу ряда исторических
причин справедливо считалась одной из самых читающих в мире. Его книги издавались
большими тиражами, несмотря на трудности при их прохождении через разные партий-
ные инстанции. Отличительная черта Балашова-писателя — тщательная, детализирован-
ная реконструкция прошлого России.

Писатель родился в Ленинграде в 1927 г. Он был сыном артиста ТЮЗа и театральной
художницы. Окончил Театральный институт. Но защитил диссертацию по теме «Древняя
русская эпическая баллада». Во время подготовки кандидатской ездил в фольклорные
экспедиции на русский Север. Видимо в эти годы и было положено начало увлечению
Балашова русской историей. Потом он жил и трудился в Карелии. В 60-е, работая в
Институте языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР, очень часто
бывал в фольклорных экспедициях, где имел счастливую возможность наблюдать и ис-
следовать остатки русской сельской цивилизации, ныне исчезнувшей полностью. Балашов
принял участие в создании Всероссийского общества охраны памятников истории и
культуры и спас от запланированного властями разрушения более 100 храмов. С начала
80-х и до последних дней (убит в своем деревенском доме под Новгородом в 2000 г.)
жизнь Дмитрия Михайловича связана с Великим Новгородом — городом, воспетым пи-
сателем в его произведениях.

Первое, что бросается в глаза при чтении книги о Балашове, это высокий профес-
сионализм ее авторов. Они талантливые историки и практикующие педагоги, уверен,
не менее талантливые, чем историки. Ибо для того, чтобы донести до людей всеохватный
смысл такого явления, как «Балашов», нужно обладать неким полифонизмом души. Он
позволяет увидеть в другом человеке своего рода алмаз со многими гранями, каждая из
которых отражает свет по-своему. Такой полифонизм выковывается и закаляется в ходе
постоянного живого и творческого, «учительского» общения с множеством людей. Спо-
собность узреть многоголосое единство человеческой души помогает видеть и царапины,
неровности на алмазе, который являет собой эта душа. Душа Балашова была именно
таким алмазом. Это был очень сложный и противоречивый человек. Но его творческая
жизнь и судьба являли собой цельный «кристалл», пусть с некоторыми «царапинами».

Как соединяется в душе Дмитрия Балашова логически несоединимое, например: симпатии к московским князьям и любовь к тверским, чье княжество могло бы стать центром, объединяющим русские земли, но не стало благодаря коварству и злодейству московских князей? Живая история, как и живая человеческая душа, многогранна. Она зачастую не поддается прямолинейному логическому анализу. И это вслед за Балашовым понимают авторы книги о нем.

При этом они точны и профессиональны — так же, как в своих произведениях Дмитрий Балашов, не только писатель, но и филолог-фольклорист, кандидат филологических наук, получивший ученую степень после окончания аспирантуры Пушкинского Дома.

Хотя, как почти любой ученый, заглянувший в Глубину явления, исследователи творческого наследия Балашова понимают: часто многое в его судьбе и жизни определяла мистика, а не тривиальная прямая последовательность и связь тех или иных событий.

Но иногда авторы рецензируемого сборника статей о Балашове все же бывают слишком прямолинейны. Некоторые из объявляемых ими нехудожественными (в противоположность трудам Балашова) произведений современного искусства и литературы, на наш взгляд, не заслуживают этого. Ибо зачастую единственный критерий для признания слабым или бездарным того или иного произведения искусства у Катченковой и Никольской это его несоответствие исторической правде в целом или в частностях. Но художественное произведение не всегда строится по тем же законам, что история. И при этом может рассказывать о человеческой душе больше, чем тот или иной исторический факт. Сам факт по себе, голая фактология очень часто еще ничего не значат. У истории так же, как у человека, есть внешняя биография и внутренняя, скрытая от посторонних взоров. И ее имеют право исследовать художники слова и мысли, в том числе столь резко осуждаемые в рецензируемой книге постмодернисты.

Книга о Балашове рисует одинокую фигуру одаренного человека, противоречивого и цельного одновременно, может быть порой ошибавшегося, но всегда искреннего и безоглядно влюбленного в Россию. Русский интеллигент по своим корням, он не вписывался ни в какие литературные или политические группировки. И его точкой опоры была Древняя Русь, жизнь которой в своих книгах он пытался передать с этнографической скрупулезной точностью. Как определил сосед-крестьянин, Дмитрий Михайлович и жить хотел «по-историческому». Он разводил хуторское натуральное хозяйство в Карелии и Новгороде, одевался по-старинному.

Чтение его произведений не развлечение во время поездки в метро, но труд, приносящий интеллектуальное удовлетворение, пища для души.

Его смерть в результате не до конца разгаданного убийства — мистическая тайна.

Исследование включает главы о Балашове и Пикуле, Балашове и Солженицыне, о Великом Новгороде в прозе Балашова. Дмитрий Михайлович увлекался теориями Л. Н. Гумилева. Причем он был не только писатель, историк, фольклорист, но и поэт — тончайшего мастерства и интуиции. В книгу входит глава «Читая Балашова...», составленная из стихов, посвященных ему, самой Ирины Катченковой. И стихи эти незаурядные. В произведениях Балашова сплавлены воедино писатель-романтик, этнограф, историк, публицист и пр. Поэтому оправданы проводимые авторами сопоставления Д. М. Балашова с Н. М. Карамзиным.

В новгородских школах изучают творчество Балашова. Он уже сейчас «школьный классик», только региональный. Д. С. Лихачев предлагал Дмитрию Михайловичу написать книгу по истории для детей. И он смог бы это сделать. Но не сложилось...

Авторы сборника пишут: «Писатель соединил лучшие черты дореволюционного и советского исторического романа: масштабность, панорамность, точность и подробность

изложения событий — и глубину характеров, внимание к “вечным” темам. В лирических отступлениях о судьбах родины он явно продолжал гоголевскую традицию.

Для Балашова история была не социологической схемой, а жизнью родного народа, опрокинутой в прошлое, процессом со многими неизвестными. Он неторопливо и подробно, с кропотливостью этнографа и специалиста по фольклору, любовно всматриваясь в далекие реалии XII–XIV веков, сумел так описать житей-бытие далеких предков наших, что возникает эффект достоверности и соприсутствия. Как ему удавалось это? . . . Теперь уже не спросишь» (Указ. соч. С. 43). Но, думается, что если бы мы спросили писателя об этом при жизни, он вряд ли дал бы исчерпывающий ответ. Человеческая душа — тайна. Она есть сверкающий алмаз — чудо Божественной природы. А чудо не подлежит объяснению. Оно лишь оставляет после себя след, который видят или, хочется надеяться, увидят рано или поздно люди.

Авторы труда о Балашове правы, когда говорят о том, что в потоке бульварной, полубульварной или постмодернистской литературы творчество писателя пользуется все меньшей и меньшей популярностью. Но если бы только его творчество... Неслучайно книга называется «Дмитрий Балашов: Россия, до востребования...».

Н. С. Павлова

**ДИАЛОГ ДВУХ КУЛЬТУР:
ЗАМЕТКИ О КНИГЕ А. И. ЖЕРЕБИНА «ВЕРТИКАЛЬНАЯ ЛИНИЯ.
ВЕНСКИЙ МОДЕРН В СМЫСЛОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»**

Книга А. И. Жеребина «Вертикальная линия. Венский модерн в смысловом пространстве русской культуры» отличается богатством материала и определенностью концепции: одно не мешает, а подтверждает здесь другое. Сходства и различия австрийской и русской культуры позволяют определить их близкие в это время эстетические законы и выделить главные фигуры. Показательны уже названия глав:

1. Диалектика модернизма и концепция монистического мировоззрения.
2. Австрия fin de siècle. Абсолютная реальность.
3. Эрнст Мах и проблема разрушения личности.
4. Петербургские фантазии Германа Бара.
5. Под обаянием Чехова. Чеховские подтексты в прозе Шницлера и Альтенберга.
6. Сады Гофманстала.
7. Антропологическая утопия Отто Вейнингера в оценке русского символизма.
8. Варианты мистического дискурса: Людвиг Витгенштейн и Мартин Бубер.
9. Последний символист Австрии.
10. Психоанализ и русское мировоззрение.

Книге предшествует «Введение». Именно тут определяется предмет исследования — «культура модерн», занимающая двадцатилетие на пороге XIX–XX в. Термины «модернизм» (с конца XIX до середины XX в.) и «модерн» как макроэпоха не отменяют друг друга: они «соотносятся как сообщающиеся сосуды» [1. С. 24]*. Но не это определяет теоретический замысел книги.

Автор недоверчив к погружению интерпретатора в исследуемую эпоху (принцип А. В. Михайлова). Им избран другой путь: диалог, определяющий художественную суть явления, ведут сами культуры. Разумеется, и тут автор-исследователь не вовсе устраним.

* Далее в тексте при ссылках на это издание в квадратных скобках указывается только страница.